

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ПЕТР
ЧААДАЕВ

ВЕЛИКАЯ
РОССИЯ

БЛАГО
ИЛИ ЗЛО?

ФЕДОР
ТЮТЧЕВ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Федор Тютчев

Великая Россия – благо или зло?

«Алгоритм»

2014

УДК 13
ББК 87

Тютчев Ф. И.

Великая Россия – благо или зло? / Ф. И. Тютчев — «Алгоритм»,
2014 — (Философский поединок)

ISBN 978-5-4438-0829-1

Петр Яковлевич Чаадаев – русский философ и публицист, объявленный правительством сумасшедшим за свои сочинения, в которых резко критиковал действительность русской жизни. Его труды были запрещены к публикации в имперской России. По мнению Чаадаева, представления об особой великой роли России, о ее превосходстве над Западом ведут к духовному застою и препятствуют развитию страны. Федор Иванович Тютчев – русский поэт, дипломат и публицист. В своих публицистических произведениях Тютчев создал «учение о русской империи», наделенной особым православным характером; одной из главных идей Тютчева было создание союза славянско-православных государств под эгидой России. В книге, представленной вашему вниманию, собраны наиболее значительные произведения П.Я. Чаадаева и Ф.И. Тютчева на вышеуказанные темы.

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-4438-0829-1

© Тютчев Ф. И., 2014
© Алгоритм, 2014

Содержание

П. Я. Чаадаев. Когда мы вновь обретем себя среди человечества?	6
Философические письма	6
Письмо первое	6
Письмо второе[22]	22
Письмо третье	31
Письмо четвертое	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Петр Чаадаев, Федор Тютчев

Великая Россия – благо или зло?

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

П. Я. Чаадаев. Когда мы вновь обретем себя среди человечества?

Философические письма

Письмо первое

Adveniat regnum tuum.

Да придет царствие твое¹.

Сударыня.

Прямодушие и искренность – именно те черты, которые я в вас более всего люблю и ценю. Судите же сами, как меня должно было поразить ваше письмо². Эти самые любезные свойства ваши и очаровали меня при нашем знакомстве, они-то и побудили меня заговорить с вами о религии. Все вокруг вас призывало меня к молчанию. Повторяю, посудите каково же было мое удивление при получении вашего письма. Вот все, что я имею вам сказать, сударыня, по поводу выраженных там предположений об оценке мною вашего характера. Не будем говорить более об этом и прямо перейдем к существенной части вашего письма.

И, прежде всего, откуда в вашем уме берется это смятение, до того вас волнующее и утомляющее, что оно, по вашим словам, отражается и на здоровье? Неужели это печальное следствие наших бесед? Вместо успокоения и мира, которое должно было бы внести пробужденное в сердце чувство, оно вызвало тревогу, сомнения, чуть ли не угрызения совести. Впрочем, чему удивляться? Это естественное следствие того печального положения вещей, которому подчинены у нас все сердца и все умы. Вы просто поддались действию сил, которые приводят у нас в движение все, начиная с самых высот общества и кончая рабом, существующим лишь для утех своего владыки.

Да и как могли бы вы этому противиться? Те самые свойства, которыми вы выделяетесь из толпы, должны сделать вас тем более подверженной вредному воздействию воздуха, которым вы дышите. Среди всего окружающего вас, могло ли сообщить устойчивость вашим идеям то немного, что мне было позволено вам поведать? Мог ли я очистить атмосферу, в которой мы живем? Последствия я должен был предвидеть, да я их и предвидел. Отсюда частые умолчания, мешавшие убеждениям проникнуть вам в душу и вводившие вас, естественно, в заблуждение. И если бы только я не был уверен, что религиозное чувство, пробужденное хотя бы частично в чьем-либо сердце, какие бы оно ни причиняло ему муки, все же лучше полного его усыпления, мне бы пришлось раскаиваться в своем усердии. Тем не менее я надеюсь, что облака, омрачающие сейчас ваше небо, однажды превратятся в благодатную росу и она оплодотворит семя, брошенное в ваше сердце; и произведенное на вас действие нескольких ничего не стоящих слов служит мне верной порукой более значительных результатов, их непременно вызовет в будущем работа вашего собственного сознания. Смело вверитесь, сударыня, волнениям, вызываемым в вас мыслями о религии: из этого чистого источника могут вытекать только чистые чувства.

¹ Евангелие от Матфея, 6:10.

² Имеется в виду второе из писем Е. Д. Пановой к П. Я. Чаадаеву, по-видимому 1829 г.

По отношению к внешним условиям вам пока достаточно знать, что учение, основанное на высшем начале единства и непосредственной передачи истины в непрерывном преемстве ее служителей, только и может быть самым согласным с подлинным духом религии, потому что дух этот заключается всецело в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил – в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей. Всякое иное учение, вследствие одного уже отпадения от учения первоначального, далеко отталкивает от себя возвышенное обращение Спасителя: «Молю тебя, Отче, да будут они одно, как мы одно»³ и не желает водворения царства божьего на земле. Но отсюда совсем еще не следует, что вы обязаны провозглашать во всеуслышание эту истину перед лицом земли: конечно, не таково ваше призвание. То самое начало, из которого эта истина исходит, обязывает вас, напротив, при вашем положении в свете, видеть в ней только внутренний светоч вашей веры – и ничего более. Я почитаю за счастье, что способствовал обращению ваших мыслей к религии, но я почувствовал бы себя очень несчастным, сударыня, если бы вместе с тем вызвал замешательство в вашем сознании, которое, со временем, не могло бы не охладить вашей веры.

³ Сокращенный текст Евангелия от Иоанна, 17:11. Современный полный перевод: «Отче Святой! Соблуди их во имя Твое, тех, которых Ты мне дал, чтобы они были едино, как и Мы».

Портрет П.Я. Чаадаева

Я вам, кажется, как-то сказал, что лучшее средство сохранить религиозное чувство – это придерживаться всех обычаев, предписанных церковью. Такое упражнение в покорности важнее, чем обыкновенно думают; и то, что его налагали на себя продуманно и сознательно величайшие умы, является настоящим служением Богу. Ничто так не укрепляет разум в его верованиях, как строгое выполнение всех относящихся к ним обязанностей. Впрочем, большинство обрядов христианской религии, проистекающее из высшего разума, является действенной силой для каждого, способного проникнуться выраженными в них истинами. Есть только одно исключение из этого правила, имеющего безусловный характер, – а именно, когда обретаешь в себе верования более высокого порядка, нежели те, которые исповедуют массы, верования, возносящие душу к тому самому источнику, из коего проистекают все убеждения, причем верования эти нисколько не противоречат народным, а, напротив, их подтверждают; в таком случае, но единственно в этом, позволительно пренебречь внешней обрядно-

стью, чтобы свободнее посвятить себя более важным трудам. Но горе тому, кто принял бы иллюзии своего тщеславия или заблуждения своего разума за необычайное озарение, освобождающее от общего закона. А вам, сударыня, не всего ли лучше облечься в одежды смирения, столь приличные вашему полу? Поверьте, это лучше всего сможет успокоить смущение вашего духа и внести мир в ваше существование.

Да даже и с точки зрения светских взглядов, скажите, что может быть естественнее для женщины, развитый ум которой умеет находить прелесть в научных занятиях и серьезных размышлениях, чем сосредоточенная жизнь, посвященная главным образом религиозным помыслам и упражнениям? Вы говорите, что при чтении книг ничто так не действует на ваше воображение, как картины мирных и вдумчивых существований, которые подобно прекрасной сельской местности на закате дня вносят мир в душу и вырывают нас на мгновение из тягостной или бесцветной действительности. Но ведь это вовсе не фантастические картины: только от вас зависит осуществление одного из этих пленительных вымыслов. Вы имеете все необходимое для этого. Как видите, я вовсе не проповедую вам мораль слишком строгую: в ваших же вкусах, в самых приятных грезах вашего воображения я ищу то, что может внести мир в вашу душу.

В жизни есть обстоятельства, относящиеся не к физическому, а к духовному бытию; пренебрегать ими не следует; есть режим для души, как есть режим и для тела: надо уметь ему подчиниться. Я знаю, что это старая истина, но у нас она, кажется, имеет всю ценность новизны. Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия. Впрочем, то, что издавна составляет самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение. И, к примеру сказать, вы, сударыня, столь счастливо одаренная для восприятия всего доброго и истинного на свете, вы, как бы созданная для испытания всех самых сладостных и чистых душевных наслаждений, чего вы, спрашивается, достигли при всех этих преимуществах? Вам все еще приходится разыскивать, чем бы наполнить даже не жизнь, а только текущий день. Впрочем, вы совсем лишены того, что создает необходимые рамки жизни, естественно вмещающие в себя повседневные события, а без них так же невозможно здоровое нравственное существование, как без свежего воздуха невозможно здоровое состояние физическое. Вы понимаете, дело пока еще не идет ни о нравственных принципах, ни о философских положениях, а просто о благоустроенной жизни, об этих привычках, об этих навыках сознания, которые придают уют уму и душе, непринужденность, размеренное движение.

Взгляните вокруг. Разве что-нибудь стоит прочно? Можно сказать, что весь мир в движении. Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что привязывает, что пробуждает ваши симпатии, вашу любовь; ничего устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни вовне, ни в вас. В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам. И не подумайте, что это пустяки. Бедные наши души! Не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще и ложного представления о самих себе, не будем стремиться жить жизнью чисто духовной, научимся благоразумно жить в данной действительности. Но поговорим

сначала еще немного о нашей стране, при этом мы не отклонимся от нашей темы. Без этого предисловия вы не сможете понять, что я хочу вам сказать.

У всех народов есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманных намерений. Люди в такое время скитаются по свету, и дух их блуждает. Это пора великих побуждений, великих свершений, великих страстей у народов. Они тогда неистовствуют без ясного повода, но не без пользы для грядущих поколений. Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. В этом и состоят необходимые общественные устои. Без этого они не сохранили бы в своей памяти ничего, что можно было бы полюбить, к чему пристраститься, они были бы привязаны лишь к праху земли своей. Эта увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о нем составляет отраду и поучение их зрелого возраста. Мы, напротив, не имели ничего подобного. Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности. Поры быющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа – ничего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица.

Настоящее развитие человеческого существа в обществе еще не началось для народа, пока жизнь не стала в нем более упорядоченной, более легкой, более приятной, чем в неопределенности первой поры. Пока общества еще колеблются без убеждений и без правил даже и в повседневных делах и жизнь еще совершенно не упорядочена, как можно ожидать созревания в них зачатков добра? Пока это все еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали современному состоянию нашей планеты в ее теперешнем виде⁴. Мы до сих пор еще в таком положении.

Первые наши годы, протекшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем уме, и нет в нас ничего лично нам присущего, на что могла бы опереться наша мысль; выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и традиционных идей человеческого рода. А между тем именно на них основана жизнь народов; именно из этих идей вытекает их будущее и происходит их нравственное развитие. Если мы хотим, подобно другим цивилизованным народам, иметь свое лицо, необходимо как-то вновь повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого мы имеем историю народов и перед нами итоги движения веков. Без сомнения, эта задача трудна, и одному человеку, пожалуй, не исчерпать столь обширного предмета; однако прежде всего надо понять, в чем дело, в чем заключается это воспитание человеческого рода и каково занимаемое нами в общем строе место.

Народы живут только сильными впечатлениями, сохранившимися в их умах от прошедших времен, и общением с другими народами. Этим путем каждая отдельная личность ощущает свою связь со всем человечеством.

⁴ Речь идет о теории катастроф Кювье, о котором Чаадаев писал также в письме к И. Д. Якушкину.

В чем заключается жизнь человека, говорит Цицерон⁵, если память о протекших временах не связывает настоящего с прошлым? Мы же, явившись на свет как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления. Необходимо, чтобы каждый из нас сам пытался связать порванную нить родства. То, что у других народов является просто привычкой, инстинктом, то нам приходится вбивать в свои головы ударом молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи вымываются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т. е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы.

Народы – существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. Конечно, не пройдет без следа и то наставление, которое нам суждено дать, но кто знает день, когда мы вновь обрестем⁶ себя среди человечества и сколько бед испытаем мы до свершения наших судеб?

⁵ См.: Цицерон. Об ораторском искусстве, XXXV, 120.

⁶ С переводом этого места возникает трудность. Чаадаев употребил здесь глагол «*retrouveront*», т. е. «вновь найти», «вновь обрести», и мы так и переводим его. Гершензон и Шаховской переводят этот глагол просто «обрести» (СП II. С. 113), хотя во французском тексте приведен именно названный глагол и для русского слова, употребленного ими, существует глагол «*trouveront*». Но задача здесь не просто лингвистическая, а семантическая. Почему Чаадаев пишет «обрести себя вновь», если, по его мнению, Россия никогда прежде (в истории) не находила себе места в совокупном человечестве? Небезынтересно отметить также, что в тексте ФП I, напечатанном в «Телескопе», этой строки вообще нет (СП II. С. 9).

Городская усадьба Е. Г. Левашевой в Москве на Новой Басманной улице, где в 1833–1856 жил Чаадаев (вероятно, что флигель, в котором он проживал, не сохранился)

Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. Несмотря на их разделение на ветви латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует общая связь, соединяющая их всех в одно целое, явная для всякого, кто углубится в их общую историю. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа носила название Христианского мира и слово это значилось в публичном праве. Помимо общего всем характера, каждый из народов этих имеет свой особый характер, но все это только история и традиция. Они составляют идейное наследие этих народов. А каждый отдельный человек обладает своей долей общего наследства, без труда, без напряжения подбирает в жизни рассеянные в обществе знания и пользуется ими. Проведите параллель с тем, что делается у нас, и судите сами, какие элементарные идеи мы можем почерпнуть в повседневном обиходе, чтобы ими так или иначе воспользоваться для руководства в жизни? И заметьте, что речь идет здесь не об учености, не о чтении, не о чем-то литературном или научном, а просто о соприкосновении сознаний, о мыслях, которые охватывают ребенка в колыбели, окружают его среди игр, которые нашептывает, лаская, его мать, о тех, которые в форме различных чувств проникают до мозга его костей вместе с воздухом, которым он дышит, и которые образуют его нравственную природу ранее выхода в свет и появления в обществе. Хотите знать, что это за мысли? Это мысли о долге, справедливости, праве, порядке. Они происходят от тех самых событий, которые создали там общество, они образуют составные элементы социального мира тех стран. Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейского человека. А что вы видите у нас?

Не знаю, можно ли вывести из сказанного сейчас что-либо вполне бесспорное и построить на этом непреложное положение; но очевидно, что на душу каждой отдельной личности из народа должно сильно влиять столь странное положение, когда парод этот не в силах сосредоточить своей мысли на каком ряде идей, которые постепенно разворачивались в обществе и понемногу вытекали одна из другой, когда все его участие и общем движении человеческого

разума сводится к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам. Вот почему, как вы можете заметить, всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам незнаком. В лучших головах наших есть нечто еще худшее, чем легковесность. Лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные заблуждения парализуются в нашем мозгу. В природе человека теряться, когда он не находит способа связаться с тем, что было до него и что будет после него; он тогда утрачивает всякую твердость, всякую уверенность; не руководимый ощущением непрерывной длительности, он чувствует себя заблудившимся в мире. Такие растерянные существа встречаются во всех странах; у нас это общее свойство. Тут вовсе не то легкомыслие, в котором когда-то упрекали французов и которое, впрочем, было не чем иным, как легким способом постигать вещи, что не исключало ни глубины, ни широты ума, вносило столько прелести и обаяния в обращение; тут беспечность жизни без опыта и предвидения, не имеющая отношения ни к чему, кроме призрачного существования личности, оторванной от своей среды, не считающейся ни с честью, ни с успехами какой-либо совокупности идей и интересов, ни даже с родовым наследием данной семьи и со всеми предписаниями и перспективами, которые определяют и общественную и частную жизнь в строе, основанном на памяти о прошлом и на тревоге за будущее. В наших головах нет решительно ничего общего, все там обособлено и все там шатко и неполно. Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее отличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы. В чужих краях, особенно на Юге, где люди так одушевлены и выразительны, я столько раз сравнивал лица своих земляков с лицами местных жителей и бывал поражен этой немотой наших лиц.

Иностранцы ставили нам в заслугу своего рода беспечную отвагу, особенно замечательную в низших классах народа; но имея возможность наблюдать лишь отдельные черты народного характера, они не могли судить о нем в целом. Они не заметили, что то самое начало, которое делает нас подчас столь отважными, постоянно лишает нас глубины и настойчивости; они не заметили, что свойство, делающее нас столь безразличными к превратностям жизни, вызывает в нас также равнодушие к добру и злу, ко всякой истине, ко всякой лжи, и что именно это и лишает нас тех сильных побуждений, которые направляют нас на путях к совершенствованию; они не заметили, что именно вследствие такой ленивой отваги, даже и высшие классы, как ни прискорбно, не свободны от пороков, которые у других свойственны только классам самым низшим; они, наконец, не заметили, что если мы обладаем некоторыми достоинствами народов молодых и отставших от цивилизации, то мы не имеем ни одного, отличающего народы зрелые и высококультурные. Я, конечно, не утверждаю, что среди нас одни только пороки, а среди народов Европы одни добродетели, избави Бог. Но я говорю, что для суждения о народах надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера.

Массы подчиняются известным силам, стоящим у вершин общества. Непосредственно они не размышляют. Среди них имеется известное число мыслителей, которые за них думают, которые дают толчок коллективному сознанию нации и приводят ее в движение. Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение. Это справедливо для всех народов земли; исключение составляют только некоторые одичавшие расы, которые сохранили из человеческой природы один только внешний облик.

Первобытные народы Европы, кельты, скандинавы, германцы, имели своих друидов⁷, своих скальдов⁸, своих бардов⁹, которые на свой лад были сильными мыслителями. Взгляните

⁷ Друиды – жрецы у кельтов.

⁸ Скальды – средневековые норвежские и исландские поэты.

на народы северной Америки, которых искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине. А теперь, я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?

А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара. Не эту роль предоставило нам провидение. Напротив, оно как будто совсем не занималось нашей судьбой. Отказывая нам в своем благотворном воздействии на человеческий разум, оно предоставило нас всецело самим себе, не пожелало ни в чем вмешиваться в наши дела, не пожелало ничему нас научить. Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения, и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

Удивительное дело! Даже в области той науки, которая все охватывает, наша история ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего не доказывает. Если бы орды варваров, потрясших мир, не прошли прежде нашествия на Запад по нашей стране, мы едва были бы главой для всемирной истории. Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера. Когда-то великий человек¹⁰ вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. В другой раз другой великий монарх¹¹, приобщая нас к своему славному назначению, провел нас победителями от края до края Европы¹²; вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещенным странам мира, мы принесли с собой одни только дурные идеи и губительные заблуждения, последствием которых было неизмеримое бедствие, отбросившее нас назад на полвека¹³. В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в интеллектуальном порядке. Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия. В этом, наверное, отчасти повинна наша непостижимая судьба. Но есть здесь еще, без сомнения, и доля челове-

⁹ Барды – певцы древних кельтских племен.

¹⁰ Имеется в виду Петр I.

¹¹ Имеется в виду Александр I.

¹² Имеется в виду заграничный поход русской армии 1813–1814 гг.

¹³ Имеется в виду восстание декабристов. Здесь восстановлен текст «осуждения» декабристов, который был смягчен в изданиях Гагарина – Гершензона по сравнению с тем, что содержалось в оригинале, которым располагал Гагарин. В письме к «Александру Ивановичу» (вероятно, Герцену) от 17 июля 1860 г. Гагарин сообщал, что текст ФИ I он получил от И. И. Тургенева. «Я по требованию Николая Ивановича, – писал Гагарин, – вычеркнул “дурные идеи и роковые ошибки” и напечатал» (ГБЛ М 8526 24 – старый шифр, 1940) – далее следует текст, переведенный Гершензоном так: «идеи и стремления» (Д. И. Шаховской перевел приведенные Гагариным слова несколько иначе, чем Гагарин: «дурные идеи и губительные заблуждения», как и напечатано в нашем издании). Следует также отметить, что в оригинальном тексте и в варианте Тургенева – Гагарина. Там напечатано, что мы «принесли домой» «одне дурные понятия, губительные заблуждения, которые отодвинули нас назад еще на полстолетия» – о бедственных последствиях речи нет.

ческого участия, как во всем, что происходит в нравственном мире. Спросим снова историю: именно она объясняет народы.

В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов. Только что перед тем эту семью похитил у вселенского братства один честолюбивый ум; и мы восприняли идею в столь искаженном людской страстью виде. В Европе все тогда было одушевлено животворным началом единства. Все там из него происходило, все к нему сходилось. Все умственное движение той поры только и стремилось установить единство человеческой мысли, и любое побуждение исходило из властной потребности найти мировую идею, эту вдохновительницу новых времен. Чуждые этому чудотворному началу, мы стали жертвой завоевания. И когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, мы оказались отторгнутыми от общей семьи, мы подпали рабству, еще более тяжкому, и притом освященному самим фактом нашего освобождения.

Сколько ярких лучей тогда уже вспыхнуло среди кажущегося мрака, покрывающего Европу. Большинство знаний, которыми ныне гордится человеческий ум, уже угадывалось в умах; характер нового общества уже определился, и, обращаясь назад к языческой древности, мир христианский снова обрел формат прекрасного, которых ему еще недоставало. До нас же, замкнувшихся в нашем расколе, ничего из происходившего в Европе не доходило. Нам не было никакого дела до великой всемирной работы. Выдающиеся качества, которыми религия одарила современные народы и которые в глазах здравого смысла ставят их настолько выше древних, насколько последние выше готтентотов или лопарей; эти новые силы, которыми она обогатила человеческий ум; эти нравы, которые под влиянием подчинения безоружной власти стали столь же мягкими, как ранее они были жестоки, – все это прошло мимо нас. Вопреки имени христиан, которое мы носили, в то самое время, когда христианство величественно шествовало по пути, указанному божественным его основателем, и увлекало за собой поколения, мы не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не создавалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода не для нас свершались. Хотя мы и христиане, не для нас созревали плоды христианства.

Я вас спрашиваю: не нелепость ли господствующее у нас предположение, будто этот прогресс народов Европы, столь медленно совершившийся и притом под прямым и явным воздействием одной нравственной силы, мы можем себе сразу усвоить, даже не потрудившись узнать, как он совершился?

Ничего не понимают в христианстве те, которые не замечают в его чисто исторической стороне, составляющей столь существенную часть вероучения, что в ней до некоторой степени заключается вся философия христианства, так как именно здесь обнаруживается, что оно сделало для людей и что ему предстоит сделать для них в будущем. В этом смысле христианская религия раскрывается не только как система нравственности, воспринятая в преходящих формах человеческого разума, но еще как божественная вечная сила, действующая всеобщим образом в духовном мире, так что ее видимое проявление должно служить нам постоянным поучением. В этом и заключается собственный смысл догмата, выраженного в символе веры единой вселенской церкви¹⁴.

¹⁴ Символ веры – краткое изложение христианских догматов; сформулирован на Никейском вселенском Соборе 325 г. и видоизменен в 362 и 374 годах. Добавления к этому символу веры, сделанные к VII в. н. э. (гл. обр. *filioque*), послужили одним из поводов к «схизме».

Николай I (1796–1855) – император России с 1825 по 1855 годы. В период его правления насаждалась идеология «православия, самодержавия, народности». «Философические письма» Чаадаева были запрещены, а сам он объявлен сумасшедшим

В мире христианском все должно непременно способствовать установлению совершенного строя на земле, да и ведет к этому на самом деле. В противном случае дела опровергли бы слова Спасителя. Он бы не был среди своей церкви до скончания веков. Новый строй – царство Божье, которое должно наступить благодаря искуплению, – не отличался бы от старого строя, – от царства зла, – который должен быть искуплением искоренен, и мы снова остались бы с этим воображаемым свойством неперменного совершенствования, о котором мечтает философия и которое опровергается на каждой странице истории: это пустое возбуждение ума, которое удовлетворяет лишь потребностям материального бытия и которое если и поднимает человека на некоторую высоту, то всегда лишь с тем, чтобы низвергнуть его в еще более глубокую пропасть.

Но разве мы не христиане, скажете вы, и разве нельзя быть цивилизованным не по европейскому образцу? Да, мы без всякого сомнения христиане, но не христиане ли и абиссинцы? И можно быть, конечно, цивилизованным иначе, чем в Европе; разве не цивилизована Япония, да еще и в большей степени, чем Россия, если верить одному из наших соотечественников?¹⁵

Но разве вы думаете, что в христианстве абиссинцев и в цивилизации японцев осуществлен тот порядок вещей, о котором я только что говорил и который составляет конечное назначение человеческого рода? Неужели вы думаете, что эти нелепые отступления от божеских и человеческих истин низведут небо на землю?

Христианство обладает двумя легко различимыми функциями. Во-первых, действием на индивидуальное, во-вторых, действием на общее сознание. В верховном разуме то и другое естественно сливается и приводит к одной и той же цели. Но наш ограниченный взгляд не в силах охватить все время, в которое осуществляются вечные предначертания божественной мудрости. Нам необходимо различать божественное действие, проявляющееся в данное время в жизни человека, от того действия, которое проявляется лишь в бесконечности. В день окончательного завершения дела искупления все сердца и все умы составят лишь одно чувство и лишь одну мысль, и падут все стены, разделяющие народы и вероисповедания. Но в настоящее время каждому важно знать свое место в общем строе призвания христиан, т. е. знать, каковы те средства, которые он находит в себе и вокруг себя, для того чтобы сотрудничать в достижении цели, стоящей перед всем человеческим обществом в целом.

Непременно должен быть, следовательно, особенный круг идей, в пределах которого идет брожение умов в том обществе, где цель эта должна осуществиться, т. е. там, где идея откровения должна созреть и достигнуть всей своей полноты. Этот круг идей, эта нравственная сфера неизбежно обуславливают особый образ жизни и особую точку зрения, которые, хотя могут и не совпадать у разных народов, однако по отношению к нам, как и по отношению ко всем неевропейским народам, создают одну и ту же особенность в поведении, как следствие той огромной духовной работы в течение восемнадцати веков, в которой участвовали все страсти, все интересы, все страдания, все воображения, все усилия разума.

Все народы Европы, подвигаясь из века в век, шли рука об руку. Что бы они сейчас ни делали, каждый по-своему, они все же постоянно сходятся на одном и том же пути. Чтобы понять семейное сходство в развитии этих народов, не надо даже изучать историю: читайте только Тасса¹⁶ и вы увидите все народы распростертыми у подножия стен Иерусалима. Вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был только один язык при обращении к Богу, только один нравственный авторитет, только одно убеждение; вспомните, что в течение пятнадцати веков в один и тот же год, в один и тот же день, в один и тот же час, в одних и тех же выражениях они возносили свой голос к Верховному Существо, прославляя его в величайшем из его благодеяний: дивное созвучие, в тысячу раз более величественное, чем все гармонии физического мира. После этого ясно, что если та сфера, в которой живут европейцы и которая одна лишь может привести род человеческий к его конечному назначению, есть результат влияния, произведенного на них религией, и ясно, что если слабость наших верований или несовершенство нашего вероучения удерживали нас вне этого всеобщего движения, в котором социальная идея христианства развилась и получила определенное выражение, а мы были отнесены

¹⁵ Речь идет о книге В. М. Головнина «Записки о приключениях в плену у японцев» (ч. 1–3, СПб., 1816), содержащей богатейшие материалы о Японии. Труд Головнина, несмотря на перенесенные им во время трехлетнего плена лишения, отличался беспристрастием и искренним стремлением к сближению русского и японского народов. За короткий срок книга была переведена на все европейские языки. В 1825 г. был издан первый японский перевод. Бесхитротный рассказ «Монтаня у японцев» (Батюшков К. Н. Соч., СПб., 1887. Т. III. С. 423) пользовался значительным успехом в русском обществе 1820-х годов. Указание Руло (Rouleau. P. 58), что Чаадаев имел в виду русского государственного деятеля, посетившего по поручению правительства Японию в 1804–1805 гг. с целью установления торговых отношений между двумя странами, Н. П. Резанова, неверно.

¹⁶ Речь идет о поэме Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

к числу народов, которым суждено использовать воздействие христианства во всей силе лишь косвенно и с большим опозданием, то необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение, ибо ведь там все совершило христианство. Так вот что я имел в виду, говоря о необходимости снова начать у нас воспитание человеческого рода.

Вся история нового общества происходит на почве убеждений. Значит, это настоящее воспитание. Утвержденное с самого начала на этой основе, новое общество двигалось вперед лишь под влиянием мысли. Интересы в нем всегда следовали за идеями и никогда им не предшествовали. В этом обществе постоянно из убеждений создавались интересы, никогда интересы не вызывали убеждений. Все политические революции были там по сути революциями нравственными. Искали истину и нашли свободу и благоденствие. Только так объясняется исключительное явление нового общества и его цивилизации; иначе в нем ничего нельзя было бы понять.

Религиозные гонения, мученичества, распространение христианства, ереси, соборы – вот события, заполняющие первые века. Все достижения данной эпохи, не исключая и вторжения варваров, целиком связываются с младенческими усилиями нового духа. Образование иерархии, сосредоточение духовной власти и продолжение распространения религии в странах севера – вот чем была наполнена следующая эпоха. Наступает затем высший восторженный подъем религиозного чувства и упрочение духовной власти. Философское и литературное развитие сознания и улучшение нравов под влиянием религии заканчивают эту историю, которую можно назвать священной, подобно истории древнего избранного народа. Наконец, и нынешнее состояние обществ определяется религиозной реакцией, новым толчком, сообщенным человеческому духу религией. Итак, главный, можно сказать, единственный интерес у новых народов заключался лишь в убеждении. Все интересы: материальные, положительные, личные – поглощались этим интересом.

Я знаю, вместо преклонения перед таким чудесным порывом человеческой природы к возможному совершенству его называли фанатизмом и суеверием. Но что бы там ни говорили, судите сами, какое глубокое впечатление должно было оставить на характере этих народов социальное развитие, целиком вызванное, как в добре, так и во зле, одним чувством. Пускай поверхностная философия сколько угодно шумит по поводу религиозных войн, костров, зажженных нетерпимостью; что касается нас, мы можем только завидовать судьбе народов, которые в этом столкновении убеждений, в этих кровавых схватках в защиту истины создали себе мир понятий, какого мы не можем себе даже и представить, а не то что перенестись туда телом и душой, как мы на это притязаем.

Повторю еще раз: разумеется, в странах Европы не все исполнено ума, добродетели, религии, совсем нет. Но все там таинственно подчинено силе, безраздельно царившей на протяжении столетий; все является результатом того продолжительного сцепления актов и идей, которым создано теперешнее состояние общества, и вот, между прочим, тому пример. Народ, личность которого ярче всех обозначилась, учреждения которого всегда более отражают новый дух, – англичане, – собственно говоря, не имеют истории, помимо церковной. Последняя их революция¹⁷, которой они обязаны своей свободой и процветанием, а также и вся последовательность событий, приведших к этой революции, начиная с Генриха VIII, – не что иное, как религиозное развитие. Во всем этом периоде интересы собственно политические проявлялись лишь в качестве второстепенных побуждений, а подчас они совершенно исчезали или же приносились в жертву убеждениям. И когда я пишу эти строки, опять-таки религиозный вопрос

¹⁷ Имеется в виду английская буржуазная революция 1640 г. В переводе «Телескопа» были внесены отсутствующие в авторском тексте имена «Карл I и Кромвель», о чем была сделана пометка в отобранном у Чаадаева авторизованном списке ФП I.

волнует эту избранную страну¹⁸. Да и вообще, какой из народов Европы не нашел бы в своем национальном самосознании, если бы удосужился поискать, этой особой черты, которая, как святой завет, была постоянным животворным началом, душой его социального бытия во все продолжение его существования.

Действие христианства отнюдь не ограничивается его немедленным и прямым влиянием на душу людей. Сильнейшее воздействие, которое оно призвано оказать, осуществляется в множестве нравственных, умственных и социальных комбинаций, где полная свобода человеческого духа должна непременно найти неограниченный простор. Итак, понятно, что все совершившееся с первого дня нашей эры или, вернее, с того момента, как Спаситель мира сказал своим ученикам: «Идите, проповедуйте Евангелие всякой твари»¹⁹, заключается целиком, со всеми нападками на христианство в том числе, в общей идее его влияния. Чтобы убедиться в исполнении пророчества Христа, достаточно наблюдать повсеместное водворение владычества его в сердцах, будь то с сознанием или бессознательно, добровольно или против воли. И поэтому, невзирая на все незаконченное, порочное и преступное в европейском обществе, как оно сейчас сложилось, все же царство Божие в известном смысле в нем действительно осуществлено, потому что общество это содержит в себе начало бесконечного прогресса и обладает в зародыше и в элементах всем необходимым для его окончательного водворения в будущем на земле.

Прежде чем заключить, сударыня, эти размышления о том воздействии, которое религия оказала на общество, я повторю здесь то, что сказал об этом когда-то в одном сочинении, вам неизвестном.

«Несомненно, – писал я, – что пока не замечаешь влияния христианства везде, где человеческая мысль с ним как бы то ни было сталкивается, хотя бы только с целью борьбы, не имеешь о нем ясного представления. Всюду, где произнесено имя Христа, оно само по себе неотразимо увлекает людей, что бы они ни делали. Ничто не обнаруживает вернее божественного происхождения этой религии, чем свойственная ей черта абсолютной всеобщности, вследствие которой она внедряется в душах всевозможными способами, овладевает без их ведома умами, господствует над ними, подчиняет их даже и тогда, когда они как будто сильнее всего сопротивляются, внося при этом в сознание чуждые ему до сих пор истины, заставляя сердце переживать неиспытанные им ранее впечатления, внушая нам чувства, которые незаметно вынуждают нас занять место в общем строе. Этим она определяет действие всякой индивидуальности и все направляет к одной цели. При таком взгляде на христианство всякое изречение Христа становится осязаемой истиной. И тогда явственно различаешь действие всех рычагов, которые пускает в ход его всемогущая десница, чтобы направить человека к его назначению, не посягая на его свободу, не сковывая ни одной из его природных сил, а, напротив, вызывая их высшее напряжение и возбуждая до бесконечности всю, сколько в нем ни есть, его собственную мощь. Тогда бросается в глаза, что в новом распорядке ни один нравственный элемент не остается без действия, что все находит в нем место и применение, самые деятельные дарования ума, равно как и горячие излияния чувства, героизм сильной души, как и преданность покорного духа. Доступная всякому сознательному созданию, сочетаясь со всяким движением сердца, из-за чего оно бы ни билось, мысль откровения захватывает все, растет и крепнет даже и вследствие препятствий на своем пути. С гением она возвышается до высот, недоступных прочим смертным, с робким духом она пробирается, припав к земле и подвигаясь шаг за шагом; в сосредоточенном уме она независима и глубока, в душе, поддающейся воображению, она витает в эфире и полна образов; в нежном и любящем сердце она исходит милосердием и любовью;

¹⁸ Чаадаев подразумевает здесь дебаты вокруг принятия Билля о правах (1829), уравнивавшего в правах католиков и протестантов.

¹⁹ Евангелие от Марка, 16:15. Современный полный перевод: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всякой твари».

она всегда идет наравне со всяким вверившимся ей сознанием, заполняя его жаром, силой и светом. Взгляните, какое разнообразие свойств, какое множество сил она приводит в движение, сколько различных способностей сливает воедино, сколько несходных сердец заставляет биться из-за одной и той же идеи! Но еще поразительнее действие христианства на общество в целом. Окиньте взглядом всю картину развития нового общества, и вы увидите, что христианство претворяет все интересы людей в свои собственные, заменяя везде материальную потребность потребностью нравственной, возбуждая в области мысли великие прения, какие история не наблюдала ни в одной другой эпохе и ни в одном другом обществе, вызывая жестокую борьбу между убеждениями, так что жизнь народов превращалась в великую идею и во всеобъемлющее чувство; вы увидите, что в христианстве, и только в нем, разрешалось все: жизнь частная и жизнь общественная, семья и родина, наука и поэзия, разум и воображение, воспоминания и надежды, радости и горести. Благо тем, кто в великом движении, возбужденном в мире самим Богом, носит в сердце внутреннее сознание производимого им действия; но не все в этом движении орудия деятельные, не все работают сознательно; массы по необходимости движутся слепо, как неодушевленные атомы, косные громады, не знающие тех сил, которые приводят их в движение, не различая той цели, к которой они влекутся».

А.Х. Бенкендорф (1782–1844) – шеф жандармов и одновременно Главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. Один из главных проводников внутренней политики Николая I

Пора обратиться снова к вам, сударыня. Мне, признаться, трудно оторваться от этих широких горизонтов. С этой высоты открывается перед моими глазами картина, в которой почерпаю я все свои утешения; в сладостном чаянии грядущего блаженства людей мое прибежище, когда под гнетом обступающей меня печальной действительности я чувствую потребность подышать более чистым воздухом, взглянуть на более ясное небо. Я, впрочем, не думаю, что злоупотребил вашим временем. Надо было выяснить вам точку зрения, с которой следует смотреть на мир христианский и на то, что в этом мире делаем мы. Я должен был показаться вам желчным в отзывах о родине: однако же я сказал только правду и даже еще не всю правду.

Притом, христианское сознание не терпит никакого ослепления, и менее всех других предрассудка национального, так как он более всего разделяет людей.

Письмо мое слишком затянулось, сударыня. Полагаю что нам обоим следует передохнуть. Вначале мне казалось, что я смогу в немногих словах передать вам задуманное. Поразмыслив, нахожу, что здесь имеется материала на целый том. Устраивает ли это вас, сударыня? Вы мне это скажете. Во всяком случае вам не миновать второго письма, ибо мы только что приступили к существу дела. Между тем я буду вам очень признателен, если вы сочтете растянутость первого письма возмещением за время вашего вынужденного ожидания. Я взялся за перо в самый день получения письма. Печальные и утомительные заботы меня тогда всецело поглощали: надо было от них отделаться прежде, чем начать беседу о столь важных предметах; затем пришлось переписать мое маранье, совершенно неудобочитаемое. На этот раз ожидать вам придется недолго: завтра же я снова берусь за перо.

Некрополис²⁰, 1829, 1 декабря²¹

Письмо второе²²

Если я удачно передал намерения свою мысль, вы должны были убедиться в том, что я отнюдь не думаю, будто нам не хватает одних только знаний. Правда, и их у нас не слишком много, но приходится в данное время обойтись без тех обширных духовных сокровищ, которые веками скапливались в других странах и находятся там в распоряжении человека: нам предстоит другое. К тому же, если допустить, что мы смогли бы путем изучения и размышления добыть себе недостающие нам знания, откуда нам взять мощные традиции, обширный опыт, глубокое осознание минувших времен, прочные умственные навыки – все эти последствия огромного напряжения всех человеческих способностей, а они-то и составляют нравственную природу народов Европы и дают им подлинное превосходство. Итак, задача сейчас не в расширении области наших идей, а в том, чтобы исправить те, которыми мы обладаем, и придать им новое направление. Что касается вас, сударыня, то вам прежде всего нужна сфера бытия, в которой свежие мысли, случайно зароненные в ваш ум, новые потребности, порожденные этими мыслями в вашем сердце, и чувства, возникшие под их воздействием в вашей душе, нашли бы действительное применение. Вы должны создать себе собственный мир, раз тот, в котором вы живете, стал вам чуждым.

Начать с того, что состояние души нашей, как бы высоко мы ее ни настроили, зависит от окружающей обстановки. Поэтому вам надлежит как следует разобраться в том, что можно сделать при вашем положении в свете и в собственной вашей семье для согласования ваших чувств с вашим образом жизни, ваших идей – с вашими домашними отношениями, ваших верований – с верованиями тех, кого вы видите... Ведь множество зол возникает именно от того, что происходящее в глубине нашей мысли резко расходится с необходимостью подчиняться общественным условиям. Вы говорите, что средства не позволяют вам удобно устроиться в столице. Ну что ж, у вас прелестная усадьба: почему бы вам не перенести туда свой домашний очаг до конца ваших дней? Это счастливая необходимость, и от вас одной зависит извлечь из нее всю ту пользу, какую могли бы вам доставить самые поучительные указания философии. Сделайте свой приют как можно более привлекательным, займитесь его красивым убранством и укра-

²⁰ Некрополис – город мертвых (греч.). Так Чаадаев называет здесь Москву.

²¹ Эта датировка требует разъяснений. ФП VII датировано более ранней датой – 16 февраля того же года, и тогда получается, что оно написано ранее первого. Но это не так, и этот факт свидетельствует лишь о том, что наиболее распространенный в печати вариант первого Письма с датировкой не является первоначальным.

²² Второе письмо, не по гагаринскому, а по настоящему счету, тесно примыкает к первому, вступительному. То кончалось словами: «На этот раз вам не придется долго ждать: завтра снова берусь за перо». Это же начинается так: «Если я удачно передал намерения свою мысль...».

шением, почему бы даже не вложить в это некоторую изысканность и нарядность? Ведь это вовсе не особый вид утонченной чувственности; заботы ваши будут иметь целью не вульгарные удовольствия, а возможность всецело сосредоточиться в своей внутренней жизни. Очень прошу вас не пренебрегать этими внешними мелочами²³. Мы живем в стране, столь бедной проявлениями идеального, что если мы не окружим себя в домашней жизни некоторой долей поэзии и хорошего вкуса, то легко можем утратить всякую деликатность чувства, всякое понятие об изящном. Одна из самых поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации заключается в пренебрежении удобствами и радостями жизни. Мы лишь с грехом пополам боремся с ненастьями разных времен года, и это при климате, о котором можно не в шутку спросить себя, был ли он предназначен для жизни разумных существ. Раз мы допустили некогда неосторожность поселиться в этом жестоком климате, то постараемся по крайней мере ныне устроиться в нем так, чтобы можно было несколько забыть его суровость.

Мне помнится, вы в былое время с большим удовольствием читали Платона. Вспомните, как заботливо самый идеальный, самый выпренный из мудрецов древнего мира окружает действующих лиц своих философских драм всеми благами жизни. То они медленно гуляют по прелестным побережьям Илисса или в кипарисовых аллеях Гносса, то они укрываются в прохладной тени старого платана или вкушают сладостное отдохновение на цветущей лужайке, а то, выждав спадения дневной жары, наслаждаются ароматным воздухом и тихой прохладой вечера в Аттике²⁴ или же, наконец, возлежат в удобных позах, увенчанные цветами и с кубками в руках, вокруг стола с яствами²⁵; и только прекрасно устроив их на земле, он возносит их в надлунные пространства, в которых так любит витать. Я мог бы вам указать, и в сочинениях самых строгих отцов церкви, у св. Иоанна Златоуста, у св. Григория Назианзина, даже у св. Василия, прелестные изображения уединений, где эти великие люди находили покой и высокие вдохновения, сделавшие их светилами веры. Эти святые мужи не думали, что они унижают свое достоинство, уделяя внимание заботам о предметах, наполняющих значительную часть жизни. В этом безразличии к жизненным благам, которые иные из нас вменяют себе в заслугу, есть поистине нечто циничное. Одна из главных причин, замедляющих у нас прогресс, состоит в отсутствии всякого отражения изящного в нашей домашней жизни.

Затем, я бы хотел, чтобы вы устроили себе в этом убежище, которое вы как можно лучше украсите, вполне однообразный и методический образ жизни. Нам всем не хватает духа порядка и методичности, избавимся от этого недостатка. Не стоит повторять доводов в пользу размеренной жизни; во всяком случае одно лишь постоянное подчинение определенным правилам может научить нас без усилий подчиняться высшему закону нашей природы. Но для точного соблюдения какого-либо правила необходимо устранить все, что этому мешает. Часто с первых часов дня бываешь выбит из намеченного круга занятий, и весь день испорчен. Нет ничего важнее первых испытанных нами впечатлений, первых мыслей, приходящих к нам, когда мы вновь возвращаемся к жизни вслед за подобием смерти, которое разделяет наши дни. Эти впечатления и эти мысли обычно предопределяют состояние нашей души на весь день. Вот, он начался домашней сварой и закончился непоправимой ошибкой. Поэтому приучитесь первые часы дня сделать как можно более значительными и торжественными, сразу вознесите душу на всю ту высоту, к какой она способна, старайтесь провести эти часы в полном уединении, устраняйте все, что может слишком на вас повлиять, слишком вас рассеять; при такой

²³ Чрезвычайно показательным для понимания Чаадаевым христианства и его мировоззрения вообще проводимое здесь отрицательное отношение к аскетизму.

²⁴ Все эти картины природы, по-видимому, списаны из диалога Платона «Федр».

²⁵ Конечно, при чтении этих строк сразу вспоминается обстановка диалога Платона «Пир». Об этом диалоге говорится и в ФП VII. О Платоне Чаадаев несколько раз упоминает и в других Письмах, (см., напр., ФП II, примеч. 8). Более существенные замечания о нем даются затем в ФП III (где он, впрочем, не назван) и ФП V. Сочинения Платона были широко представлены в библиотеке Чаадаева (Каталог. № 545–550). На многих страницах имеются различные пометки владельца.

подготовке вы можете безбоязненно встретить те неблагоприятные впечатления, которые затем вас охватят и которые при других условиях превратили бы ваше существование в непрерывную борьбу без надежды на победу. К тому же, раз это время упущено, потом уже не вернешь его для уединения и сосредоточенной мысли. Жизнь поглотит вас всеми своими заботами как приятными, так и скучными, и вы закрутитесь в нескончаемом колесе житейских мелочей. Не дадим же протекать без пользы единственному часу дня, когда мы можем принадлежать самим себе.

Признаюсь, я придаю большое значение этой потребности ежедневно сосредоточиться и воспрянуть духом, я уверен, что нет другого средства уберечь себя от засилия окружающих вещей; но вы, конечно, понимаете, что это далеко еще не все. Одна идея, пронизывающая всю вашу жизнь, должна всегда стоять перед вами, служить нам светочем во всякое время дня. Мы являемся в мир со смутным инстинктом нравственного блага, но вполне осознать его мы можем лишь в более полной идее, которая из этого инстинкта развивается в течение всей жизни. Этой внутренней работе надо все приносить в жертву, применительно к ней надо установить весь порядок вашей жизни. Но все это должно протекать в сердечном молчании, потому что мир не сочувствует ничему глубокому. Он отвращает взор от великих убеждений, глубокая идея его утомляет. Вам не должны быть свойственны верное чувство и сосредоточенная мысль, не зависимые от различных людских мнений, а уверенно ведущие вас к цели. Не завидуйте обществу в его чувственных удовольствиях, вы обретете в своем уединении наслаждения, о которых там и понятия не имеют. Я не сомневаюсь в том, что, освоившись с ясной атмосферой такого существования, вы станете спокойно взирать из своей обители на то, как волнуется и для вас исчезает мир, вы насладитесь покоем вашей души. А пока надо усвоить себе вкусы, привычки, привязанности вашего нового образа жизни. Надо избавиться от всякого суетного любопытства, расстраивающего и уродующего жизнь, и первым делом искоренить упорную склонность сердца увлекаться новинками, гоняться за злобами дня и вследствие этого постоянно с жадностью ожидать наступления дня завтрашнего. Иначе вы не обретете ни мира, ни благополучия, а одни только разочарования и отвращения. Хотите ли вы, чтобы мирской поток разбивался у порога вашего мирного жилища? Если да, то изгоните из вашей души все эти беспокойные страсти, возбуждаемые светскими происшествиями, все эти нервные волнения, вызванные преходящими новостями. Замкните дверь перед всяким шумом, всякими отголосками света. Наложите у себя запрет, если хватит у вас решимости, даже и на всю легковесную литературу – по существу она не что иное, как тот же шум, но только в письменном виде. На мой взгляд, нет ничего более несовместимого с правильным умственным укладом, чем жажда чтения новинок. Повсюду мы встречаем людей, ставших неспособными серьезно размышлять, глубоко чувствовать вследствие того, что пищу их составляли одни только эти недолговечные произведения, в которых за все хватаются, ничего не углубив, в которых все обещают, ничего не выполняя, где все принимает сомнительную или лживую окраску и все вместе оставляет после себя пустоту и неопределенность. Если вы ищете удовлетворения в избранном вами образе жизни, необходимо добиться, чтобы новое из-за одной новизны своей никогда вами не ценилось.

Рафаэль Санти. «Афинская школа» Апостолический дворец, Ватикан

Нет никакого сомнения, чем более вы согласуете свои вкусы и потребности с этим образом жизни, тем лучше вы будете себя чувствовать. Чем теснее вы свяжете внешнее с внутренним, видимое с невидимым, тем более приятным будет предстоящий вам путь. Не надо, однако, скрывать от себя и ожидающие вас трудности. Их в нашей стране так много, что всех и не перечислить. Здесь не торная дорога, где колесо жизни катится по наезженной колее: это тропа, по которой приходится продираться сквозь колючки и тернии, а подчас и сквозь чашу. В старых цивилизованных странах Европы давно сложились определенные бытовые образцы, так что там, когда решишь переменить образ жизни, достаточно просто-напросто выбрать ту новую обстановку, в которую желаешь перенестись, – место заранее готово; распределение ролей сделано. Как только вы выберете подходящую для себя роль, и люди, и предметы сами собой расположатся вокруг вас. Вам остается только должным образом их использовать. Совсем иное дело у нас. Сколько издержек, сколько труда, прежде чем вы освоитесь в новой обстановке! Сколько теряется времени, сколько затрачивается сил на приспособление, на то, чтобы приучить окружающих смотреть на вас сообразно с новым вашим положением, чтобы заставить молчать глупца, чтобы улеглось любопытство. Разве здесь знают, что такое могущество мысли? Разве здесь испытали, как прочное убеждение вследствие тех или других причин вторгается в душу вопреки привычному ходу вещей, через некое внезапное озарение, через указание свыше²⁶, овладевает душой, переворачивает все ваше существо и возносит вас выше вас самих и всего того, что вас окружает? Живое сознание вызывало ли здесь когда-либо сердечный отклик? Был ли здесь кто-нибудь привержен культу истины?²⁷

Естественно, что всякий, кто отдается с жаром своим верованиям, наткнется среди этой толпы, которую никогда ничего не потрясало, на препятствия и возражения. Вам придется себе все создавать, сударыня, вплоть до воздуха для дыхания, вплоть до почвы под ногами²⁸.

²⁶ Здесь кончается перевод текста, взятого из жихаревского собрания, и начинается текст части Письма, сохранившейся среди отобранных у Чаадаева бумаг.

²⁷ Этой последней фразы нет в переводе Д. И. Шаховского.

²⁸ Странно читать эти строки, рисующие истинное положение дел, после только что нарисованных пленительных картин.

И это буквально так. Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающую вас атмосферу? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные²⁹ выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели. Отягченная роковым грехом, где она, та прекрасная душа, которая бы не заглохла под этим невыносимым бременем? Где человек столь сильный, чтобы в вечном противоречии с самим собою, постоянно думая одно и поступая по-другому, не опротивел самому себе? И вот я снова вернулся, сам того не замечая, к тому, с чего начал: позвольте мне еще немного об этом поговорить, и я затем вернусь к вам.

Эта ужасная язва, которая нас изводит, в чем же ее причина? Как могло случиться, что самая поразительная черта христианского общества как раз именно и есть та, от которой русский народ отрекся в лоне самого христианства? Откуда у нас это обратное действие религии? Не знаю, но мне кажется, одно это могло бы заставить усомниться в православии, которым мы кичимся. Вы знаете, что ни один философ древности не пытался представить себе общества без рабов, да и не находил никаких возражений против рабства. Аристотель, признанный представитель всей той мудрости, какая только была в мире до пришествия Христа, утверждал, что люди рождаются – одни, чтобы быть свободными, другие – чтобы носить оковы³⁰. Вы знаете также и то, что по признанию самых даже упорных скептиков уничтожением крепостничества в Европе мы обязаны христианству. Более того, известно, что первые случаи освобождения были религиозными актами и совершались перед алтарем и что в большинстве отпускных грамот мы встречаем выражение: *pro redemptione animae* – ради искупления души. Наконец, известно, что духовенство показало везде пример, освобождая собственных крепостных, и что римские первосвященники первые способствовали уничтожению рабства в области, подчиненной их духовному управлению³¹. Почему же христианство не имело таких же последствий у нас? Почему, наоборот, русский народ попал в рабство лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйских? Пусть православная церковь объяснит это явление.

Пусть скажет, почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой. И посмотрите, пожалуйста, как мало нас знают, невзирая на всю нашу мощь и величие. Как раз на этих днях в одно время и на Босфоре, и на Евфрате прогремел гром наших пушек³². А между тем историческая наука, которая именно в это самое время доказывает, что уничтожение рабства есть заслуга христианства, даже и не подозревает, что христианский народ в 40 миллионов душ пребывает в оковах! Дело в том, что значение народов в роде человеческом определяется лишь их духовной мощью и что тот

В последних словах автор, очевидно, тщательно обрисовывает два вида помещичьего владения крепостными: окружающий ядовитый воздух – дворовые; ядовитая почва – крестьяне на барщине.

²⁹ Слова эти напоминают стих Грибоедова: «Я ненавижу слово раб!».

³⁰ Аристотель действительно высказывал в «Политике» приписываемые ему здесь мысли: «одни люди по природе свободны, другие – рабы».

³¹ Не входя в подробную критику слов Чаадаева о борьбе христианства с рабством, отметим только, что оно и на Западе более чем терпимо относилось к этому институту. Сам Чаадаев хорошо знал это и в своей заграничной поездке запасался брошюрами о Вильяме Вильберфорсе и самой его брошюрой (Каталог. № 679), имея в виду, вероятно, использовать его высказывания для поучения своих соотечественников. В своем враждебном отношении к факту лишения людей свободы Чаадаев пытается использовать довод, приходящий ему на ум, упуская из виду то, что и на Западе церковь мирилась с рабством.

³² В словах о пушках на Босфоре имеется в виду блокада Босфора эскадрой адм. Грейга в мае 1829 г. Под громом пушек на Евфрате разумеется, конечно, взятие Эрзерума армией (в которой находился и самовольно туда попавший Пушкин) под предводительством Паскевича в апреле 1829 г. Несколько странно, что именно к ФП II, которое следует считать написанным позже 1 декабря 1829 г., даты написания ФП II, приурочены события апреля – мая 1829 г. Вероятно, сопоставление было в черновике, где материал мог быть иначе редактирован.

интерес, который они к себе возбуждают, зависит от их нравственного влияния в мире, а не от шума, который они производят. Теперь вернемся назад.

После сказанного о желательном, на мой взгляд, для вас образе жизни, вы, пожалуй, могли бы подумать, что я требую от вас монашеской замкнутости. Но речь идет лишь о трезвом и осмысленном существовании, а оно не имеет ничего общего с мрачной суровостью аскетической морали. Я говорю о жизни, отличной от жизни толпы, с такой положительной идеей и таким чувством, преисполненным убеждения, к которому сводились бы все остальные мысли, все остальные чувства. Такое существование прекрасно мирится со всеми законными благами жизни: оно даже их требует, и общение с людьми – необходимое его условие. Одиночество таит свои опасности, в нем подчас нас ожидают странные искушения. Сосредоточенный в самом себе ум питается созданными им лживыми образами, и подобно св. Антонию³³ населяет свою пустыню призраками, порождениями собственного воображения, и они его затем и преследуют. А между тем, если развивать религиозную мысль без страсти, без насилия, то сохранишь даже и среди мирской суеты то внутреннее состояние, перед которым бессильны все обольщения, все увлечения жизни.

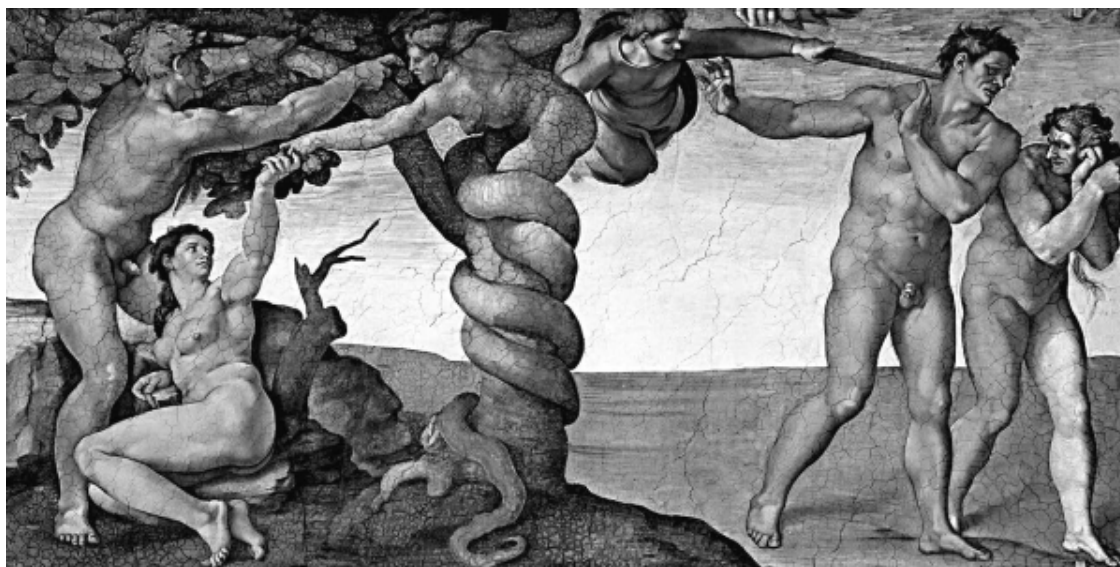
Надо найти такое душевное настроение, мягкое и простое, которое сумело бы без усилий сочетать со всеми действиями разума, со всеми сердечными эмоциями идею истины и добра. В особенности следует стремиться проникнуться истинами откровения. Огромное преимущество этих истин в том, что они доступны всякому разумному существу, что они мирятся с особенностями всех умов. К ним ведут всевозможные пути: и покорная и слепая вера, которую без размышления исповедуют массы, и глубокое знание, и простодушное сердечное благоговение, и вдохновенное размышление, и возвышенная поэзия души. Однако самый простой путь – целиком положиться на те столь частые случаи, когда мы сильнее всего подпадаем под действие религиозного чувства на нашу душу и нам кажется, что мы лишились лично нам принадлежащей силы и против своей воли влечемся к добру какою-то высшей силой, отрывающей нас от земли и возносящей на небо. И вот тогда именно, в сознании своей немоги, дух наш раскроется с необычайной силой для мыслей о небе, и самые высокие истины сами собой потекут в наше сердце.

Многokrатно возвращаясь к основному началу нашей духовной деятельности, к движущим силам наших мыслей и наших поступков, невозможно не заметить, что значительная часть их определяется чем-то таким, что нам отнюдь не принадлежит, и что самое хорошее, самое возвышенное, самое для нас полезное из происходящего в нас вовсе не нами производится. Все то благо, которое мы совершаем, есть прямое следствие присущей нам способности подчиняться неведомой силе: единственная действительная основа деятельности, исходящей от нас самих, связана с представлением о нашей выгоде в пределах того отрезка времени, который мы зовем жизнью; это не что иное, как инстинкт самосохранения, который присущ нам, как и всем одушевленным существам, но видоизменяется в нас согласно нашей своеобразной природе. Поэтому, что бы мы ни делали, какую бы незаинтересованность ни стремились вложить в свои чувства и свои поступки, руководит нами всегда один только этот интерес, более или менее правильно понятый, более или менее близкий или отдаленный. Как бы ни было пламенно наше стремление действовать для общего блага, это воображаемое нами отвлеченное благо есть лишь то, чего мы желаем для самих себя, а устранить себя вполне нам никогда не удастся: в том, что мы желаем для других, мы всегда учитываем собственное благо. И потому высший разум, выражая свой закон на языке человека, снисходя к нашей слабой природе, предписал нам только одно: поступать с другими так, как мы желаем, чтобы поступали с нами. И в этом, как и во всем другом, он идет вразрез с нравственным учением фило-

³³ Антоний – один из основателей христианского монашества, живший в Египте с середины III до середины IV в. н. э. Легенды об искушении его в пустыне дали богатый материал множеству писателей и художников.

софии, которая считает, что постигает абсолютное благо, т. е. благо универсальное, как будто только от нас зависит составить себе понятие о полезном вообще, когда мы не знаем и того, что нам самим полезно. Что такое абсолютное благо? Это незыблемый закон, по которому все стремится к своему предназначению: вот все, что мы о нем знаем. Но если руководить нашей жизнью должно понятие об этом благе, разве не необходимо знать о нем что-либо еще? До определенного момента мы, безусловно, действуем сообразно всеобщему закону, в противном случае мы заключали бы в себе самих основу нашего бытия, а это нелепость; но мы действуем именно так, сами не зная, почему: движимые невидимой силой, мы можем улавливать ее действие, изучать ее в ее проявлениях, подчас отождествляться с нею, но вывести из всего этого положительный закон нашего духовного бытия – вот это нам недоступно. Смутное чувство, неоформленное понятие без обязательной силы – большего мы никогда не добьемся. Вся человеческая мудрость заключена в этой страшной насмешке Бога в Ветхом Завете: вот Адам стал как один из нас, познав добро и зло!³⁴

Я думаю, вы из сказанного уже предугадываете всю неизбежность откровения: и вот что, по моему мнению, доказывает эту неизбежность. Человек научается познавать физический закон, наблюдая явления природы, которые чередуются у него перед глазами сообразно единообразному и неизменному закону. Собирая воедино наблюдения предшествующих поколений, он создает систему познаний, подтверждаемую его собственным опытом, а великое орудие исчисления облекает ее в неизменную форму математической достоверности. Хотя этот круг познаний охватывает далеко не всю систему природы и не возвышается до значения общей основы всех вещей, он все же заключает в себе вполне положительные познания, потому что познания эти относятся к существам, протяжение и длительность которых могут быть познаны чувствами или же предусмотрены достоверными аналогиями. Словом, здесь царство опыта, и поскольку опыт может сообщить достоверность понятиям, которые он вводит в наш ум, постольку мир физический может быть нами познан. Вы хорошо знаете, что эта достоверность доходит до того, что мы можем предвидеть некоторые явления за много времени вперед и способны с невероятной силой воздействовать на неодушевленную материю.

Микеланджело Буонарроти. «Грехопадение и изгнание из рая». Фреска Сикстинской капеллы

³⁴ Бытие, 3:22.

Итак, нами указаны средства достоверного познания, которыми располагает человек. Если, помимо этого, разум наш имеет еще способность спонтанности, т. е. деятельное начало, независящее от восприятия материального мира, то во всяком случае и эту собственную свою силу он может применять лишь к материалу, который доставляет ему [в порядке материальном – наблюдение]³⁵; а в порядке духовном – <к чему> применит человек эти средства? Что именно ему придется наблюдать для раскрытия закона духовного порядка? Разумную природу, не правда ли? Но разве природа разумная такова же, как природа материальная? Не свободна ли она? Разве она не следует закону, который сама для себя устанавливает? Поэтому, исследуя разум в его внешних и внутренних проявлениях, что мы узнаем? Что он свободен, вот и все. И если мы при этом исследовании вдруг достигнем чего-либо абсолютного, разве ощущение нашей свободы не отбросит нас немедленно, и притом неизбежно, в тот самый круг рассуждения, из которого мы только что перед тем как будто выбились? Не очутимся ли мы сразу на прежнем месте? Круг этот неизбежен. Но это не все. Предположим, что мы на самом деле возвысились до некоторых истин, настолько доказанных, что разум вынужден их принять непременно. Предположим, что мы действительно нашли несколько общих законов, которым разумное существо непременно должно подчиниться. Эти законы, эти истины будут относиться лишь к одной части всей жизни человека, к его земной жизни, ничего общего не будут они иметь с другой частью, которая нам совершенно неведома и тайну которой не сможет нам раскрыть никакая аналогия. Каким же образом могут они быть истинными законами духовного существа, раз они касаются лишь части его существования, одного мгновения в его жизни? Так что, если мы таким образом и постигнем эти законы на основании опыта, то и они смогут быть только законами одного периода времени, пройденного духовной природой, а в таком случае как можем мы их признать за законы духовной природы вообще? Не значило ли бы это то же самое, как если бы сказали, что для каждого возраста есть специальная врачебная наука, и чтобы лечить, например, детские болезни, излишне знать немощи зрелого возраста? Что для предписания образа жизни, подходящего для молодежи, нет нужды знать тот, который пригоден для человека вообще? Что состояние нашего здоровья не определяется состоянием здоровья всех моментов нашей жизни и, наконец, что мы можем предаваться всяким отступлениям и излишества в некоторые периоды нашего существования безнаказанно для дальнейшей жизни? Я спрашиваю вас, какое мнение составили бы вы себе о человеке, который бы утверждал, что существует одна нравственность для юности, другая для зрелого возраста, третья для старости, и что воспитание имеет значение только для ребенка и юноши. А между тем это именно то, что утверждает ваша философская мораль. Она научает нас тому, что надлежит нам делать сегодня, а о том, что будет с нами завтра, ей и дела нет. А что такое будущая жизнь, если не завтрашний день жизни настоящей?

Все это приводит нас к такому заключению: жизнь духовного существа в целом обнимает собою два мира, из которых только один нам ведом, и так как всякое мгновение жизни неразрывно связано со всей последовательностью моментов, из которых складывается жизнь, то ясно, что собственными силами нам невозможно возвыситься до познания закона, который неизбежно должен относиться к тому и другому миру. Поэтому закон этот неизбежно должен быть нам преподан таким разумом, для которого существует один-единственный мир, единый порядок вещей.

Впрочем, не подумайте, что нравственное учение философов не имеет с нашей точки зрения никакой ценности. Мы как нельзя лучше знаем, что оно содержит великие и прекрасные истины, которые долго руководили людьми и которые еще и сейчас с силой отзываются в сердце и в душе. Но мы знаем также, что истины эти не были выдуманы человеческим разумом,

³⁵ В этом месте в сохранившейся рукописи, несомненно, пропущено несколько слов. Помещенные в квадратных скобках слова включены по смыслу всего места и по аналогии с соответствующими местами в ФП IV и ФП V.

но были ему внушены свыше в различные эпохи общей жизни человечества. Это одна из первичных истин, преподанных естественным разумом, и которую разум, проникнутый откровением, лишь освящает своим высшим авторитетом. Хвала земным мудрецам, но слава одному только Богу! Человек никогда не шествовал иначе, как при сиянии божественного света. Свет этот постоянно озарял дорогу человека, но он не замечал того источника, из которого исходил яркий луч, падающий на его путь. Он просвещает, говорит евангелист, всякого человека, приходящего в мир; Он всегда был в мире, но мир его не познал³⁶.

Привычные представления, усвоенные человеческим разумом под влиянием христианства, приучили нас усматривать идею, раскрытую свыше, лишь в двух великих откровениях – Ветхого и Нового Завета, и мы забываем о первоначальном откровении. А без ясного понимания этого первого общения духа Божьего с духом человеческим ничего нельзя понять в христианстве. Христианин, не находя в собственном своем учении разрешения великой загадки душевного бытия, естественно приводится к учению философов. А между тем философы способны объяснять человека только через человека: они отделяют его от Бога и внушают ему мысль о том, будто он зависит только от себя самого. Обычно думают, что христианство не объясняет всего, что нам надлежит знать. Считают, что существуют нравственные истины, которые может нам преподавать одна только философия: это великое заблуждение. Нет такого человеческого знания, которое способно было бы заменить собою знание божественное. Для христианина все движение человеческого духа не что иное, как отражение непрерывного действия Бога на мир. Изучение последствий этого движения дает ему в руки лишь новые доводы в подтверждение его верований. В различных философских системах, во всех усилиях человека христианин усматривает лишь более или менее успешное развитие духовных сил мира сообразно различным состояниям и различным возрастам обществ, но тайну назначения человека он открывает не в тревожном и неуверенном колебании человеческого разума, а в символах и глубоких образах, завещанных человечеству учениями, источник которых теряется в лоне Бога. Он следит за учением, в которое постепенно выливалась земная мысль, и чтобы найти там более или менее заметные следы первоначальных наставлений, преподанных человеку самим Создателем в тот день, когда он его творил своими руками; он размышляет об истории человеческого духа, чтобы найти в ней сверхприродные озарения, не перестававшие просвещать без его ведома человеческий разум, пронизывая весь тот туман, весь тот мрак, которым этот разум так охотно себя окружает. Всюду узнает он эти всемогущие и неизгладимые идеи, нисшедшие с неба на землю, без которых человечество давно бы запуталось в своей свободе. И наконец, он знает, что опять-таки благодаря этим самым идеям разум человеческий мог воспринять более совершенные истины, которые Бог соизволил сообщить ему в более близкую нам эпоху.

И поэтому, далекий от попыток овладеть всеми заключающимися в мозгу человека измышлениями, он стремится лишь как можно лучше постигнуть пути господни во всемирной истории человечества. Он влечется к одной только небесной традиции; искажения, внесенные в нее людьми, для него дело второстепенное. И тогда он неизбежно понимает, что есть надежное правило, как среди всего необъятного океана человеческих мнений отыскать корабль спасения, неизменно направляющий путь по звезде, данной ему для руководства: и звезда эта вечно сияет, никогда не заслоняло ее никакое облако; она видима для всех глаз, под любым небом; она пребывает над нашей головой и днем и ночью. И если только ему единожды доказано, что весь распорядок духовного мира есть следствие удивительного сочетания первоначальных понятий, брошенных самим Богом в нашу душу, с воздействием нашего разума на эти идеи, ему станет также ясно, что сохранение этих основ, их передача из века в век, от поколения к поколению определяется особыми законами, и что есть, конечно, какие-то видимые признаки,

³⁶ Евангелие от Иоанна, 1:9—10.

по которым можно распознать среди всех святынь, рассеянных по земле, ту, в которой, как в святом ковчеге, содержится неприкосновенное средоточие истины.

Сударыня! Ранее, чем мир созрел для восприятия новых озарений, которые должны были однажды на него излиться, и то время как заканчивалось воспитание человеческого рода развитием всех его собственных сил, смутное, но глубокое чувство позволяло время от времени немногим избранныкам провидеть яркий след светила правды, которое проходило по своей орбите. Так Пифагор, Сократ, Зороастр и в особенности Платон узрели неизреченное сияние, и чело их озарено было необычайным отблеском. Их взоры, обращенные на ту точку, откуда должно было взойти новое солнце, до некоторой степени предвидели его восход. Но они не смогли возвыситься до познания подлинных признаков абсолютной истины, потому что с той поры, как человек изменил свою природу, истина нигде не проявлялась <для него> во всем своем блеске, и невозможно было ее распознать сквозь скрывавший ее туман. Напротив, в новом мире, если человек все еще не распознает эти признаки, то это только добровольное ослепление: если он сбивается с пути праведного, то это не что иное, как преступное подчинение темному началу, оставленному в его сердце с единой целью сделать более действенным его единение с истиной.

Вы, конечно, предвидите, сударыня, к чему клонится все это рассуждение: само собой приходит на ум, каковы будут вытекающие из него последствия. В дальнейшем мы ими и займемся. Я уверен, что вы овладеете ими без труда. Впрочем, мы не станем более прерывать свою мысль такими отступлениями, которые на этот раз встретились на нашем пути, и сможем беседовать более последовательно и методично. Прощайте, сударыня³⁷.

Письмо третье

Absorpta est mors ad victoriam.

<Поглощена смерть победою.>³⁸

Размышления наши о религии перешли в философское рассуждение, а оно вернуло нас слова к религиозной идее. Теперь станем опять на философскую точку зрения: мы ее не исчерпали. Рассматривая религиозный вопрос в свете чистого умознания, мы религией лишь завершаем вопрос философский. К тому же, как бы ни была сильна вера, разум должен уметь опираться на силы, заключенные в нем самом. Есть души, в которых вера непременно должна в случае необходимости найти доводы в разуме. Мне кажется, это как раз ваш случай. Вы слишком сроднились со школьной философией, вера ваша слишком недавнего происхождения, привычки ваши слишком далеки от той замкнутой жизни, в которой простое благочестие само себя питает и собой довольствуется; вы поэтому не сможете руководствоваться одним только чувством. Вашему сердцу без размышлений не обойтись. Правда, в чувстве таится много озарений, сердцу, несомненно, присущи великие силы; но чувство действует на нас временно, и вызываемое им волнение не может длиться постоянно. Наоборот, добытое рассуждением остается всегда с нами. Продуманная идея нас никогда не покидает, каково бы ни было наше

³⁷ Как уже говорилось, Чаадаев намеревался начать публикацию своих Писем с ФП III. Когда затем план изменился и решено было печатать сначала ФП I, то естественно встал вопрос, не должно ли затем последовать ФП II. По словам Надеждина на допросе его, Чаадаев устранил печатание ФП II и решил печатать вслед за первым сразу ФП III. Оно было набрано и должно было войти в 47-ю книжку «Телескопа», корректура которого, как это указано во введении к настоящим примечаниям, дошла до нас. Остановило ли Чаадаева в сдаче в печать второго Письма очевидное несоответствие его советов корреспондентке с ее действительной судьбой, недопустимые с цензурной точки зрения выпады первой части Письма или некоторая слабость аргументации второй части, доводы которой повторяются в следующих Письмах, сказать трудно. Во всяком случае, при издании всей серии ФП мы помещаем его на том месте, где оно должно было находиться по первоначальному, не зависящему от цензурных соображений, плану.

³⁸ «Поглощена смерть победою». Эпиграф к письму взят из I послания апостола Павла к коринфянам – глава 15, стих 54. Там слова эти в свою очередь заимствованы из книги пророка Исайи – глава 25, стих 8.

душевное настроение, между тем как идея, только прочувствованная, все время убегает от нас и изменяется: все зависит от силы, с какой бьется наше сердце. А сверх того, сердца не даются по выбору: какое уж у тебя есть, с тем и приходится мириться, разум же свой мы сами постоянно сознаем.

Мишель Монтень (1533–1592) – французский философ XVI века, автор книги «Опыты». Один из любимых и часто цитируемых философов П. Я. Чаадаева.

Вы утверждаете, что от природы расположены к религиозной жизни. Я часто думал об этом, и мне кажется, вы ошибаетесь. За природную потребность вы принимаете вызванное случайными обстоятельствами неопределенное чувство, мечтательную прихоть воображения.

Нет, не так, не с таким беспокойным пылом отдаются настоящему призванию, раз оно найдено в жизни; тогда принимают судьбу свою с твердой решимостью, со спокойной уверенностью. Конечно, можно и даже должно себя перестраивать; для христианина уверенность в такой возможности и сознание своего долга в этом отношении – предмет веры и самое важное из чаяний. Христианское учение рассматривает совокупность всего на основе возможного и необходимого перерождения нашего существа, и именно к этому должны быть направлены все наши усилия. Но пока мы не почувствовали, что наша ветхая природа растворяется и что зарождается в нас новый человек, созданный Христом, мы должны использовать все средства, чтобы приблизить этот желанный переворот: ведь он и не может наступить, пока мы на это не направим целиком все свои силы.

Впрочем, как вы знаете, мы не собираемся здесь исследовать философию во всем ее объеме; задача наша скромнее: раскрыть не то, что содержится в философии, а скорее то, чего в ней нет. Надеюсь, это не окажется выше наших сил. Для религиозной души это единственное средство понимать и обращать себе на пользу человеческую науку, но в то же время надо знать, в чем состоит эта наука, ничего не упустить и по возможности все в ней рассмотреть с точки зрения наших верований.

Монтень сказал: «L'obeir est le propre office d'une ame raisonnable, reconnaissant un celeste superieur et bienfaiteur»³⁹. Как вы знаете, он не считается умом, склонным к вере; включим же на сей раз эту мысль скептика в наш текст: подчас хорошо завербовать себе союзников из вражьего стана; это соответственно ослабляет силы противной стороны.

Прежде всего, нет иного разума, кроме разума подчиненного; это, без сомнения, так; но это еще не все. Взгляните на человека; всю жизнь он только и делает, что ищет, чему бы подчиниться. Сначала он находит в себе силу, сознаваемую им отличную от силы, определяющей движение, происходящее вне его; он ощущает жизнь в себе; в то же время он убеждается, что эта сила не безгранична; он ощущает собственное ничтожество; тогда он замечает, что вне его стоящая сила над ним властвует и что он вынужден ей подчиниться, в этом вся его жизнь. С самого первого пробуждения разума понимание того, что существуют две силы: одна – внутри нас находящаяся и несовершенная, другая – вне нас стоящая и совершенная, – само собой проникает в сознание человека. И хотя оно доходит до нас не в таких ясных и определенных очертаниях, как понимание, сообщаемое нашими чувствами или переданное нам при сношениях с другими людьми, все же все наши идеи о добре, долге, добродетели, законе, а также и им противоположные, рождаются только от этой ощущаемой нами потребности подчиниться тому, что зависит не от нашей преходящей природы, не от волнений нашей изменчивой воли, не от увлечений наших тревожных желаний. Вся наша активность есть лишь проявление силы, заставляющей нас стать в порядок общий, в порядок зависимости. Соглашаемся ли мы с этой силой или противимся ей – все равно, мы вечно под ее властью. Поэтому нам остается только стараться дать себе возможно верный отчет в ее действии на нас и, раз мы что-либо об этом узнали, отдаться ей со спокойной верой: эта сила, без нашего ведома действующая на нас, никогда не ошибается, она-то и ведет вселенную к ее предназначению. Итак, в чем состоит главный вопрос жизни? Как открыть действие верховной силы на наше существование?

Так понимаем мы первооснову мира духовного и, как видите, она вполне соответствует первооснове мира физического. Но первооснова мира физического кажется нам непреодолимой силой, которой все неизбежно подчиняется, а другая представляется лишь силой, дей-

³⁹ «Повиновение есть истинный долг души разумной, признающей небесного владыку и победителя». Цитата из 12 главы II книги «Опытов» Монтеня приводится у Чаадаева, как вообще принято во французской литературе, в правописании подлинника. Книга Монтеня с этой цитатой сохранилась в библиотеке Чаадаева (Каталог. № 486). Приведенное место, как, впрочем, и многие другие, подчеркнуто в книге Чаадаевым. Ф. А. Коган-Бернштейн перевела это место несколько иначе, чем Д. И. Шаховской: «Повиновение есть главная обязанность разумной души, признающей верховного благодетеля» (Мишель Монтень. Опыты. М.; Л., 1960. Кн. 2. С. 185). – *Ред.*

ствующей в сочетании с нашей собственной силой и до некоторой степени видоизменяемой последней. Таков логический вид, придаваемый миру нашим искусственным разумом. Но этот искусственный разум, которым мы своевольно заменили уделенную нам изначала долю разума мирового, этот злой разум, столь часто извращающий предметы в наших глазах и заставляющий нас видеть их вовсе не такими, каковы они на самом деле, все же не в такой мере затемняет абсолютный порядок вещей, чтобы лишить нас способности признать главенство подчиненности над свободой и зависимость устанавливаемого нами для себя закона – от общего закона мирового. Поэтому разум этот отнюдь не препятствует нам, принимая свободу как данную реальность, признавать зависимость подлинной реальностью духовного порядка, точно так же, как и порядка физического. Итак, все силы ума, все его средства познания основываются лишь на его покорности. Чем более он себя подчиняет, тем он сильнее. И перед человеческим разумом стоит один только вопрос: знать, чему он должен подчиниться. Как только мы нарушим это верховное правило всякой деятельности, умственной и нравственной, так немедленно впадем в грех произвольного рассуждения или воли. Назначение настоящей философии только в том и состоит, чтобы сперва доказать это положение, а затем показать, откуда исходит тот свет, который нами должен руководить в жизни.

Отчего, например, ни в одном из своих действий разум не возвышается до такой степени, как в математических исчислениях? Что такое исчисление? Умственное действие, механическая работа ума, в которой рассуждающей воле нет места. Откуда эта чудодейственная мощь анализа в математике? Дело в том, что ум здесь действует в полном подчинении данному правилу. Отчего так много дает наблюдение в физике? Оттого, что оно преодолевает естественную склонность человеческого разума и дает ему направление, диаметрально противоположное обычному ходу мысли: оно ставит разум по отношению к природе в смиренное положение, ему присущее. Каким образом достигла своей высокой достоверности натурфилософия?⁴⁰ Сводя разум до совершенно подчиненной негативной деятельности. Наконец, в чем действие блестящей логики, сообщившей этой философии такую исполинскую силу? Она сковывает разум, она подводит его под всемирное ярмо повиновения и делает его столь же слепым и подвластным, как та самая природа, которую он исследует. Единый путь, говорит Бэкон, отверстый человеку для владычества над природой, есть тот самый, который ведет в царство небесное: войти туда можно лишь в смиренном образе ребенка.

Далее. Что такое логический анализ, как не насилие разума над самим собою? Дайте разуму волю, и он будет действовать одним синтезом⁴¹. Аналитическим путем мы можем идти лишь с помощью чрезвычайных усилий над самими собой: мы постоянно сбиваемся на естественный путь, путь синтеза. С синтеза и начал человеческий разум, и именно синтез есть отличительная черта науки древних. Но как ни естественен синтез, как он ни законен, и часто далее более законен, чем анализ, несомненно все же – к наиболее деятельным проявлениям мысли принадлежат именно процессы подчинения, анализа. С другой стороны, всмотревшись в дело внимательно, находим, что величайшие открытия в естественных науках – чистые интуиции, совершенно спонтанные, т. е. что они проистекают из синтетического начала. Но заметьте, что хотя интуиция разума и является одним из самых деятельных его орудий, мы все же не можем дать себе в ней полного отчета, как в других наших способностях. Дело в том, что мы не про-

⁴⁰ Не совсем ясно, какое значение придавал Чаадаев в своем сочинении термину «La philosophie naturelle». Подбор книг по философии природы в его библиотеке довольно случаен, хотя он и старается вникнуть в новейшие учения электричества, магнетизма и палеонтологии. Удивительно, что среди сохранившихся книг библиотеки нет главных сочинений Шеллинга, которых у Чаадаева не могло не быть. В ней имеются лишь два его сочинения по натурфилософии (Каталог. № 603 и 604), но по контексту под натурфилософией Чаадаев понимает не шеллингизм, а естествознание, постижение природы, мира физического (о чем и шла выше речь), противопоставленное постижению мира духовного.

⁴¹ Слова «анализ» и «синтез» применяются здесь Чаадаевым в несколько своеобразном смысле: под анализом понимается наведение, индукция, под синтезом – дедукция. В «Апологии сумасшедшего» (АС. С. 530) синтез рассматривается в качестве отличительной черты восточного мировоззрения.

сто-напросто владеем ею, как другими способностями; в этой способности есть нечто, принадлежащее высшему разуму, ей дано лишь отражать этот высший разум в нашем. И потому-то мы и обязаны интуиции самыми блестящими нашими озарениями.

Таким образом, ясно, что человеческий разум не достигает самых положительных своих знаний чисто внутренней своею силой, а направляется непременно извне. Следовательно, настоящая основа нашей умственной мощи, в сущности, не что иное, как своего рода логическое самоотречение, однородное с самоотречением нравственным и вытекающее из того же закона.

Впрочем, природа представляет собой не только материал для опыта и наблюдения, но также и образец для рассмотрения. Всякое природное явление есть силлогизм с большей и меньшей посылками и выводами. Следовательно, сама природа внушает уму метод, которым он должен пользоваться для ее познания; стало быть, и тут он только повинуется закону, который перед ним раскрывается в самом движении вещей. Таким образом, когда древние, стоики, с их блестящими предчувствиями толковали о подражании природе, о повиновении ей, о согласованности с ней, они, находясь еще гораздо ближе нас к началу всех вещей и не разбив еще, подобно нам, мира на части, лишь провозглашали это основное начало духовной природы, именно то, что никакая сила, никакой закон не создаются нами из себя.

Что касается побуждающего нас действовать начала, которое есть не что иное, как желание собственного блага, то к чему бы пришел род человеческий, если бы понятие об этом благе было одной лишь выдумкой нашего разума? Что ни век, что ни народ имели бы тогда о нем свою особую идею. Как могло бы человечество в целом шествовать вперед в своем беспредельном прогрессе, если бы в сердце человека не было одного мирового понятия о благе, общего всем временам и всем странам и, следовательно, не человеком созданного? В силу чего наши действия становятся нравственными? Не делает ли их таковыми то повелительное чувство, которое заставляет нас покоряться закону, уважать истину? Но ведь закон только потому и закон, что он не от нас исходит; истина потому и истина, что она не выдумана нами. Мы иногда устанавливаем правило поведения, отступающее от должного, но это лишь потому, что мы не в силах устранить влияние наших наклонностей на наше суждение; в этих случаях нам предписывают закон наши наклонности, а мы ему следуем, принимая его за общий мировой закон. Конечно, есть и такие люди, которые как будто без всяких усилий сообразуются со всеми предписаниями нравственности; таковы некоторые выдающиеся личности, которыми мы восхищаемся в истории. Но в этих избранных душах чувство долга развилось не через мышление, а через те таинственные побуждения, которые управляют людьми помимо их сознания, в виде великих наставлений, которые мы, не ища их, находим в самой жизни и которые гораздо сильнее нашей личной мысли, являющейся частью мысли, общей всем людям: ум бывает поражен то примером, то счастливым стечением обстоятельств, подымающих нас выше самих себя, то благоприятным устройством всей жизни, заставляющими нас быть такими, какими мы без этого никогда бы не были; все это живые уроки веков, которыми причудливо наделяются по неведомому нам закону определенные личности; и если вульгарная психология не отдает себе отчета в этих таинственных пружинах духовного движения, то психология более углубленная, принимающая наследственность человеческой мысли за первое начало духовной природы, находит в этом разрешение большей части своих вопросов⁴². Так, если героизм добродетели или вдохновение гения и не вытекали из мысли отдельного человека, они являются все же плодом мысли протекших веков. И все равно, мыслили мы или не мыслили, кто-то уже мыслил за нас еще до нашего появления на свет; в основе всякого нравственного действия, каким бы

⁴² Эту мысль о преемственности сознаний, составляющих в совокупности одно мировое сознание, автор развил более подробно в ФП V.

оно ни казалось спонтанным и самостоятельным, всегда лежит, следовательно, чувство долга, а тем самым – и подчинения.

Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814) – немецкий философ, один из основателей субъективного идеализма. В его работах много места уделяется проблемам личности; Чаадаев часто ссылается на Фихте.

Теперь посмотрим, что бы вышло, если бы человек мог довести свою подчиненность до совершенного лишения себя своей свободы⁴³. Из только что сказанного ясно, что это было бы высшей ступенью человеческого совершенства. Ведь всякое движение души его вызывалось

⁴³ Говоря о совершенном лишении себя своей свободы, автор не отрицает ее существования, но стремится понять ее в связи с необходимостью. Свобода человека признается им бесспорно за основной и величайший дар: дело идет лишь об устранении «свободы дикого осленка», т. е. о свободном слиянии отдельных сознаний с необходимостью, с жизнью мира.

бы тем самым началом, которое производит все другие движения в мире. Тогда исчез бы теперешний его отрыв от природы и он бы слился с нею. Ощущение своей собственной воли выделяет его теперь из всеобщего распорядка и делает из него обособленное существо; а тогда в нем бы проснулось чувство мировой воли, или, говоря иными словами, – внутреннее ощущение, глубокое сознание своей действительной причастности ко всему мирозданию. Теперь он проникнут своей собственной обособляющей идеей, личным началом, разобщающим его от всего окружающего и затуманивающим в его глазах все предметы; но это отнюдь не составляет необходимого условия его собственной природы, а есть только следствие его насильственного отчуждения от природы всеобщей, и если бы он отрешился от своего нынешнего пагубного Я, то разве он не нашел бы вновь и идею, и всеобъемлющую личность, и всю мощь чистого разума в его изначальной связи с остальным миром? И разве тогда все еще стал бы он ощущать себя живущим этой мелочной и жалкой жизнью, которая его побуждает относить все к себе и глядеть на мир только через призму своего искусственного разума? Конечно, нет, он начал бы жить жизнью, которую даровал ему сам Господь Бог в тот день, когда он извлек его из небытия. Вновь обрести эту исконную жизнь и предназначено высшему напряжению наших дарований. Один великий гений⁴⁴ когда-то сказал, что человек обладает воспоминанием о какой-то лучшей жизни: великая мысль, не напрасно брошенная на землю; но вот чего он не сказал, а что сказать следовало, – но здесь лежит предел, которого не мог переступить ни этот блестящий гений, ни какой-либо другой в ту пору развития человеческой мысли, – это то, что утраченное и столь прекрасное существование может быть нами вновь обретено, что это всецело зависит от нас и не требует выхода из мира, который нас окружает.

Время и пространство – вот пределы человеческой жизни, какова она ныне. Но прежде всего, кто может мне запретить вырваться из удушающих объятий времени? Откуда почерпнул я самую идею времени? Из памяти о прошедших событиях. Но что же такое воспоминание? Не что иное, как действие воли: это видно из того, что мы помним не более того, что желаем вспомнить; иначе весь ряд событий, сменявшихся на протяжении моей жизни, оставался бы постоянно в моей памяти, теснился бы без перерыва у меня в голове; а между тем, наоборот, даже в то время, когда я даю полную свободу своим мыслям, я воспринимаю лишь реминисценции, соответствующие данному состоянию моей души, волнующему меня чувству, занимающей меня мысли. Мы строим образы прошлого точно так же, как и образы будущего. Что же мешает мне отбросить призрак прошлого, неподвижно стоящий позади меня, подобно тому, как я могу по желанию уничтожить колеблющееся видение будущего, парящее впереди, и выйти из того промежуточного момента, называемого настоящим, момента столь краткого, что его уже нет в то самое мгновение, когда я произношу выражающее его слово? Все времена мы создаем себе сами, в этом нет сомнения; Бог времени не создал; он дозволил его создать человеку. Но в таком случае куда делось бы время, эта пагубная мысль, обступающая и гнетущая меня отовсюду? Не исчезнет ли оно совершенно из моего сознания, не рассеется ли без остатка мнимая его реальность, столь жестко меня подавляющая? Моему существованию нет более предела; нет преград видению безграничного; мой взор погружается в вечность; земной горизонт исчез; небесный свод не упирается в землю на краях безграничной равнины, стелющейся перед моими глазами; я вижу себя в беспредельном пребывании, не разделенном на дни, на часы, на мимолетные мгновения, но в пребывании вечно едином, без движения и без

⁴⁴ Конечно, здесь имеется в виду Платон. Та же мысль неоднократно встречается у Сенеки, сочинения которого Чаадаев усердно читал, как это видно на сохранившемся в его библиотеке экземпляре шеститомного издания сочинений этого писателя во французском переводе с многочисленными отметками и заметками рукой Чаадаева (Каталог. № 616). Чрезвычайно существенны для Чаадаева последние слова этого абзаца о том, что обретение вновь утраченного нами «прекрасного существования... всецело зависит от нас и не требует ухода из мира, который нас окружает». Таким образом, достижение совершенных общества и людских отношений произойдет, согласно и другим высказываниям Чаадаева, в пределах земной жизни и не требует ухода в потусторонность через смерть. Это важно для понимания смысла эпиграфа к письму, какой ему придавал Чаадаев.

перемен, где все отдельные существа исчезли друг в друге, словом, где все пребывает вечно. Всякий раз, как дух наш успевает сбросить с себя оковы, которые он сам же себе и выковал, ему доступен этот род времени, точно так, как и тот, в котором он ныне пребывает. Зачем устремляется он постоянно за пределы непосредственной смены вещей, измеряемой монотонными колебаниями маятника? Зачем кидается он беспрестанно в иной мир, где не слышен роковой бой часов? Дело и том, что беспредельность есть естественная оболочка мысли; в ней-то и есть единственное, истинное время, а другое – мы создаем себе сами, а для чего – не знаю.

Обратимся к пространству: но ведь всем известно, что мысль не пребывает в нем; она логически приемлет условия осязаемого мира, но сама она в нем не обитает. Какую бы, следовательно, реальность ни придавали пространству, это факт вне мысли, и у него нет ничего общего с сущностью духа; эта форма, пускай неизбежная, но все же лишь одна форма, в которой нам представляется внешний мир. Следовательно, пространство еще менее, чем время, может закрыть путь в то новое бытие, о котором здесь идет речь.

Так вот та высшая жизнь, к которой должен стремиться человек, жизнь совершенства, достоверности, ясности, беспредельного знания, но прежде всего – жизнь совершенной подчиненности; жизнь, которой он некогда обладал, но которая ему также обещана и в будущем. А знаете ли вы, что это за жизнь? Это Небо: и другого неба помимо этого нет. Вступить в него нам позволено отныне же, сомнений тут быть не должно. Ведь это не что иное, как полное обновление нашей природы в данных условиях, последняя грань усилий разумного существа, конечное предназначение духа в мире. Я не знаю, призван ли каждый из нас вступить на это поприще, достигнет ли он его славной конечной цели, но то, что предельной точкой нашего прогресса только и может быть полное слияние нашей природы с природой всего мира, это я знаю, ибо только таким образом может наш дух вознестись к полному совершенству, а это и есть подлинное выражение высшего разума.

[Но пока мы еще не достигли предела нашего паломничества, до того как совершится это великое слияние нашего существа с существом всемирным, не можем мы по крайней мере раствориться в мире духовном? Разве не в нашей власти в любой степени отождествлять себя с подобными нам существами? Мы ведь способны усваивать себе их нужды, их выгоды, приспособляться к их чувствам так, чтобы, в конце концов, жить только для них и чувствовать только через них. Это, без сомнения, верно. Как бы вы ни называли эту нашу удивительную способность сливаться с тем, что происходит вокруг нас, – симпатией, любовью, состраданием, – она во всяком случае присуща нашей природе. Мы при желании можем до такой степени сродниться с нравственным миром, что все совершающееся в нем и нам известное мы будем переживать как происходящее с нами; более того, если даже мировые события нас и не очень заботят, довольно одной уже общей, но глубокой мысли о делах других людей: одного только внутреннего сознания нашей действительной связи с человечеством, чтобы заставить наше сердце сильнее биться в такт с судьбою всего человеческого рода, а все наши мысли и все наши поступки сливать с мыслями и поступками всех людей в одно созвучное целое. Воспитывая это замечательное свойство нашей природы, все более и более развивая его в душе, мы достигаем таких высот, с которых целиком раскроется перед нами остальная часть всего предстоящего нам пути; и благо тем из смертных, кто, раз поднявшись на эту высоту, сумеет на ней удержаться, а не низринется вновь туда, вниз, откуда началось его восхождение! Все существование наше до тех пор было непрерывным колебанием между жизнью и смертью, длительной агонией; тут началась настоящая жизнь, с этого часа от нас одних зависит идти по пути правды и добра, ибо с этой поры закон духовного мира перестал быть для нас непроницаемой тайной.]⁴⁵

⁴⁵ Взятый в скобки абзац в оригинале вычеркнут, как это указывает McNally (P. 60–61). Bouleau (P. 94) печатает без скобок.

Но так ли протекает жизнь кругом нас? Совсем наоборот. Закон духовной природы обнаруживается в жизни поздно и неясно, но, как вы видите, его вовсе не приходится измышлять, как и закон физический. Все, что нам доступно, – это иметь душу, раскрытую для этого познания, когда оно предстанет перед нашим умственным взором. В обычном ходе жизни, в повседневных заботах нашего ума, в привычной дремоте души нравственный закон проявляется гораздо менее явственно, чем закон физический. Правда, он над нами безраздельно господствует, определяет каждое наше действие, каждое движение нашего разума, но вместе с тем, сохраняя в нас посредством какого-то дивного сочетания, через непрерывно длящееся чудо⁴⁶, сознание нашей собственной деятельности, он налагает на нас грозную ответственность за все, что мы делаем, за каждое биение нашего сердца, даже за каждую мимолетную мысль, едва затронувшую наш ум; и несмотря на это, он ускользает от нашего разумения в глубочайшем мраке. Что же происходит? Не зная истинного двигателя, бессознательным орудием которого он служит, человек создает себе свой собственный закон, и этот-то закон, который он по своему почину себе предписывает, и есть то, что он называет «нравственный закон», иначе – мудрость, высшее благо, или просто закон, или еще иначе. И этому-то хрупкому произведению собственных рук, произведению, которое он может по произволу разрушить и действительно ежедневно и ежеминутно разрушает, человек приписывает в своем ослеплении все положительное, абсолютное, все непреложное, присущее настоящему закону его бытия, а между тем при помощи одного только своего разума он, очевидно, мог бы постигнуть относительно этого сокровенного начала одну лишь его неизбежную необходимость – ничего более.

Впрочем, хотя нравственный закон пребывает вне нас и независимо от нашего знания его, совершенно так, как и закон физический, есть все же существенное различие между этими двумя законами. Бесчисленное множество людей жило и теперь еще живет без малейшего понятия о вещественных движущих силах природы; Бог восхотел, чтобы человеческий разум открывал их самостоятельно и постепенно. Но каким бы отсталым ни было разумное существо, как бы ни были ограничены его способности, оно всегда имеет некоторое понятие о начале, побуждающем его действовать. Чтобы размышлять, чтобы судить о вещах, необходимо иметь понятие о добре и зле⁴⁷. Отнимите у человека это понятие, и он не будет ни размышлять, ни судить, он не будет существом разумным. Этого понятия Бог не мог лишить нас ни на мгновение; он нас и создал с ним. И эта-то несовершенная идея, непостижимым образом вложенная в нашу душу, составляет всю сущность разумного человека. Вы только что видели, что можно было бы извлечь из этой идеи, если бы удалось восстановить ее в ее первоначальной чистоте, как она была нам сообщена изначально; следует, однако, рассмотреть и то, чего можно достичь, если отыскивать начало всех наших познаний единственно в собственной нашей природе.

Сокольники, 1 июня⁴⁸

Письмо четвертое

Воля есть не что иное, как род мышления. Представлять ли себе волю конечною или бесконечною, все равно приходится признать

⁴⁶ Чаадаев признает, как это встречается и в других местах его сочинений, непреложность общего закона жизни с одной стороны, свободы человека – с другой. Но он не указывает пути к согласованию этих начал и называет их сосуществование просто «длящимся чудом».

⁴⁷ Здесь как будто допускается существование врожденных идей в человеке – мысль, которую Чаадаев отвергает в ФП V. Идеи эти, как видно из следующих за этой двух фраз, он считает внушенными богом.

⁴⁸ В варианте этого письма проставлена дата «1830».

некую причину, которая заставляет ее действовать: поэтому ее должно рассматривать не как начало свободное, а как начало обусловленное.
Спиноза. De anima⁴⁹

Как мы видели, всякое естественное явление можно рассматривать как силлогизм; но его можно также рассматривать как число. При этом или заставляют природу выразиться в числе и рассматривают ее в действии – это наблюдение, или исчисляют в отвлечении – это вычисление; или же, наконец, за единицы принимаются найденные в природе величины, и производят вычисления над ними; в этом случае применяют вычисление к наблюдению и этим пополняют науку. Вот и весь круг положительного знания. Необходимо только иметь в виду, что количеств как таковых в природе не существует; если бы они там были, то аналитический вывод был бы равнозначным божественному Fiat, ибо совершенная достоверность его не была ничем ограничена и, следовательно, была бы всемогуществом. Бессилие – то же, что заблуждение; выше совершенной истины нет ничего. Действительные величины, т. е. абсолютные единицы, имеются лишь в нашем уме; во вселенной находятся лишь числовые видимости. Эти видимости, в форме которых материальность открывается нашим взорам, они-то и дают нам понятие о численности: вот основа математического восприятия. Итак, числовое выражение предметов – не что иное, как мыслительный механизм, который мы создаем из данных природы. Сначала мы переводим эти данные в область абстракции, затем мы их воспринимаем как величины; и, наконец, поступаем с ними по своему усмотрению. Математическая достоверность, следовательно, имеет также свой предел; будем остерегаться упустить это из виду.

⁴⁹ Чрезвычайно знаменательно, что эпиграфом и письму Чаадаев выбрал категорическое выражение подзаконности всякого действия. Это определяет общую твердую установку Чаадаева, которую он, впрочем, не всегда выдерживает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.